о том, что ст. 28 Регламента «Рим II» должна быть отменена¹⁷.

Оценивая Гаагскую конвенцию, следует отметить, что она содержит жесткие коллизионные нормы, действие которых ограничивается мно-

жеством формализованных коллизионных привязок. В ней четко не решен вопрос о праве сторон выбрать право, применимое к их отношениям. По сравнению с регулированием, принятым в последние годы, положения Гаагской конвенции значительно устарели.

¹⁷ Collignon-Smit Sibinga A. Op. cit.

Библиографический список

Collignon-Smit Sibinga A. Crossing Borders: What Happens When Rome Meets The Hague. URL: www.Legaltrr.nl.

Graziano T. K. The Rome II Regulation and the Hague Conventions on Traffic Accidents and Product Liability — Interaction, Conflicts and Future Perspectives. Netherlands Internationaal Privaatrecht. 2008.

Gwynne R. Rome II Regulation Business Law International. 2011. Vol. 12. No. 3.

Heini A., Girsberger D. et al. Zürcher Kommentar zum IPRG. 2 aufl. Zürich, 2004.

Schwimann M. Internationales Privatrecht. 3 aufl. Vienna: Manz, 2001.

Papettas J. Choice of Law for Cross Border Road Traffic Accidents // Directorates General for International Policies. URL: www.europa.En/documents/activities/cont/20112.

Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. 5-е изд. М., 2005.

Звеков В. П. Обязательства вследствие причинения вреда. М., 2007.

Кабатова Е. В. Деликты в международном частном праве // Государство и право. 1992. № 9. Международное частное право: учебник: в 2 т. Т. 2. М., 2015.

Практика применения положений о расторжении и изменении договора в новой редакции ГК РФ

ПОЗДНЫШЕВА Елена Витальевна, ведущий научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: civil@izak.ru

Статья посвящена анализу практики применения судами положений главы 29 Гражданского кодекса Российской Федерации, регулирующих вопросы изменения и расторжения договора, актуальность которого обусловлена как введением в действие новой редакции главы 29 ГК РФ, так и практикой применения судами положений названной главы, связанной с увеличением числа дел о рассмотрении споров об изменении и расторжении договора в связи с экономическим кризисом последних двух лет. Кроме того, в правоприменительной практике увеличилось число рассматриваемых арбитражными судами споров об отказе одного из контрагентов от договора в случаях, предусмотренных договором. В результате анализа судебной практики сделан вывод о том, что, если стороны договора хотят предусмотреть в договоре возможность отказа от договора по иным основаниям, нежели предусмотренным в ГК РФ, других законах или иных правовых актах, такие основания должны быть прямо перечислены в тексте договора или же должна содержаться формулировка о возможности отказа от договора по любым иным основаниям. Отмечена необходимость унификации подходов к квалификации определенной условиями договора денежной суммы за досрочное расторжение договора в качестве предусмотренной в п. 3 ст. 310 ГК РФ платы в связи с односторонним отказом от исполнения обязательств независимо от того, как указанная сумма поименована в договоре.

Ключевые слова: изменение договора, расторжение договора, существенное изменение обстоятельств, отказ от договора (исполнения договора), толкование условий договора судом, плата за односторонний отказ от исполнения обязательства.

Implementation of the Provisions on Termination and Modification of the Contract in the New Edition of the Civil Code of the Russian Federation

E. V. POZDNYSHEVA, candidate of legal sciences

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: civil@izak.ru

The article is devoted to the analysis of practical application of provisions of Chapter 29 of the Civil Code of the Russian Federation which regulating the issues of modification and termination of the contract by courts. The relevance of such analysis was caused by the introduction of the new edition of Chapter 29 of the Civil Code as well as the practice of its application by courts resulting to increasing of the number of lawsuits concerning disputes on modification and termination of the contract caused by the economic crisis of the past two years. In addition, the number of lawsuits on refusal of one of the contractors from the contract in cases stipulated by the contract considering by arbitration courts was also increased. On the basis of the analysis of judicial practice the author has made a conclusion that if parties to a contract want to provide in the contract the possibility of cancellation of the agreement for any reason other than provided in the Civil Code, other laws or other legal acts, such grounds have to be expressly listed in the agreement, or the contract has to contain wording about the possibility of termination of the contract on any other grounds. The author has noted the necessity of unification of the approaches to the qualification of the sum which has to be paid in a case of the early termination of the contract as it provided by the clause 3, article 310 of the Civil Code for the unilateral refusal of execution of obligations regardless of how the specified amount named in the contract.

Keywords: modification of the contract, termination of the contract, significant change in circumstances, rejection of the contract (execution of the contract), the interpretation of contract terms by the court, the fee for a unilateral refusal to execute obligations.

DOI: 10.12737/22720

Согласно ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора, свобода гражданско-правовых договоров в ее конституционно-правовом смысле предполагает соблюдение принципов равенства и согласования воли сторон¹.

Вступая в договорные отношения, стороны согласовывают условия договора исходя из принципа эквивалентности отношений и заинтересованности в исполнении договорных обязательств, обеспечивая тем самым баланс интересов равных субъек-

ектов гражданских правоотношений. Соблюдение принципа эквивалентности отношений контрагентов по договору обеспечивается необходимостью соблюдения принципа надлежащего и реального исполнения обязательств по договору, который в том числе выражается в недопущении одностороннего отказа от исполнения обязательства и одностороннего изменения его условий, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ, другими законами или иными правовыми актами, а если исполнение обязательства связано с осуществлением сторонами предпринимательской деятельности, также в случаях, предусмотренных договором (ст. 310 ГК РФ).

Вместе с тем следует констатировать, что в современных экономических условиях в предприниматель-

¹ См. постановление КС РФ от 6 июня 2000 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца третьего пункта 2 статьи 77 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой открытого акционерного общества “Тверская прядильная фабрика”».

ских отношениях принцип “*pacta sunt servanda*” («каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться»²) утрачивает свое значение, поскольку, исходя из принципов свободы договора и эквивалентности отношений, сторонам должно быть предоставлено право при наличии согласованной воли предусмотреть в договоре возможность отказа от договора, в том числе в отсутствие реальной заинтересованности в исполнении договорных обязательств.

В связи со сказанным особое значение в гражданском обороте приобретают правовое регулирование динамики договора в части его изменения и расторжения, в том числе отказа от исполнения договора, и выработка правоприменительной практикой подходов к применению соответствующих положений ГК РФ.

Реформирование гражданского законодательства последних лет коснулось и положений гл. 29 ГК РФ, предусматривающих возможность расторжения и изменения договора посредством: соглашения сторон (п. 1 ст. 450); требования одной из сторон в судебном порядке (п. 2 ст. 450, ст. 451); одностороннего отказа от договора (исполнения договора) (ст. 450¹). Между тем в правоприменительной практике подходы к применению положений гл. 29 ГК РФ в новой редакции не сложились, поскольку, во-первых, согласно ст. 2 Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» положения гл. 29 ГК РФ в редакции указанного Федерального закона применяются к правоотношениям, возникшим после дня вступления его в силу; по правоотношениям, возникшим до дня вступления в силу названного Закона, применяются к тем правам и обязанностям,

которые возникнут после дня вступления в силу данного Федерального закона, а, во-вторых, годичный срок, прошедший с 1 июня 2015 г., является явно недостаточным для выработки единообразных подходов к применению указанных положений ГК РФ в новой редакции.

Вместе с тем невозможно переоценить значение для гражданского оборота уже сложившейся практики применения норм об изменении и о расторжении договора³, особенно с учетом того, что в практике применения данных положений последних двух лет нашли отражение подходы, сформулированные в постановлении Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах». Кроме того, длящийся последние два года экономический кризис обусловил увеличение в судах числа дел, связанных с рассмотрением споров о расторжении и об изменении договора в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора (ст. 451 ГК РФ).

Таким образом, при рассмотрении вопросов расторжения и изменения договора актуальность имеет определение сложившихся подходов к решению некоторых наиболее значимых проблем практики применения положений ГК РФ о расторжении и изменении договора в последние два года, что обусловлено как введенной в действие новой редакцией гл. 29 ГК РФ, так и практикой применения судами положений данной главы Кодекса, обусловленного произошедшим экономическим кризисом и сформулированными в постановлении Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» новыми подходами к толкованию условий до-

² Статья 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

³ Отражение в ГК РФ опыта его применения и толкования судом явилось одной из целей совершенствования гражданского законодательства согласно Указу Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации».

говора, оказывающими определяющую роль в формировании практики применения в гражданском обороте, в том числе положений гл. 29 ГК РФ.

Как указывалось ранее, произошедшие в последние несколько лет кризисные явления в политико-экономической сфере обусловили существенное увеличение количества рассматриваемых в судах дел, связанных со спорами об изменении и о расторжении договоров в связи с существенным изменением обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора (ст. 451 ГК РФ), и решающим при разрешении таких споров является вопрос о том, может ли снижение курса рубля по отношению в том числе к доллару США служить основанием внесения изменений или расторжения содержащего валютную оговорку договора на основании ст. 451 ГК РФ.

Согласно ст. 451 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа, существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, при этом изменение обстоятельств признается существенным, когда они изменились настолько, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях. В случае применения положений ст. 451 ГК РФ суду необходимо определить следующие юридически значимые обстоятельства: наличие существенного изменения обстоятельств; время его наступления; возможность разумно предвидеть это изменение⁴.

Согласно п. 2 ст. 317 ГК РФ в денежном обязательстве может быть предусмотрено, что оно подлежит оплате в рублях в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте или в условных де-

нежных единицах (эку, специальных правах заимствования и др.). В этом случае подлежащая уплате в рублях сумма определяется по официальному курсу соответствующей валюты или условных денежных единиц на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законом или соглашением сторон.

С 1996 г. Банком России ежедневно устанавливается официальный курс рубля к доллару США как средний курс между объявленными курсами покупки и продажи Банка России⁵. Вместе с тем согласно информации Банка России от 10 ноября 2014 г. «О параметрах курсовой политики Банка России» Банк России с 10 ноября 2014 г. упразднил действовавший механизм курсовой политики, и в результате реализации принятого решения формирование курса рубля стало происходить под влиянием рыночных факторов. В результате отказа Банка России от регулирования курса рубля произошло ослабление национальной валюты, выразившееся в том числе в резком снижении курса рубля по отношению к доллару США.

При возникновении спора об изменении или о расторжении договора в связи со снижением курса рубля по отношению к иностранной валюте подлежит разрешению вопрос о том, могли и должны ли были субъекты предпринимательской деятельности, заключая договоры с валютной оговоркой, учитывать возможность изменения финансовой политики, обусловленные экономико-политическими причинами, приведшими к кризисным явлениям в экономике, и является ли произошедшее в результате таких явлений снижение курса рубля предпринимательским риском субъектов гражданского оборота.

В отсутствие решения указанных вопросов на уровне законода-

⁴ См. определение ВС РФ от 30 июля 2013 г. № 18-КГ13-70.

⁵ См. заявление Банка России «Об официальном обменном курсе рубля» 1996 г.

тельства определяющую роль играет подход арбитражно-судебной практики, анализ которой свидетельствует, что стороны договорных отношений как субъекты предпринимательской деятельности несут риски, обусловленные финансовым кризисом, изменением курсов валют, политической ситуации, и, заключая договоры с валютной оговоркой, могли и должны были учитывать возможность изменения финансовой политики.

Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа в постановлении от 9 декабря 2015 г. по делу № А56-26783/2015 указал, что изменение курса доллара к российскому рублю является одним из рисков осуществляемой сторонами предпринимательской деятельности, при этом риск увеличения курса лежит на плательщике, а риск падения курса — на получателе платежа.

Двенадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 5 июня 2015 г. № 12АП-4274/2015 отметил: принимая во внимание, что официальной денежной единицей в Российской Федерации является рубль и что в соответствии с законодательством о валютном регулировании соотношение рубля и иностранной валюты постоянно меняется, заключив договор на условиях арендной платы, составляющей половину суммы курса иностранных валют, истец взял на себя риск изменения курса доллара США и евро по отношению к рублю.

Таким образом, если в договоре, заключенном между субъектами предпринимательской деятельности, содержалась валютная оговорка, понижение курса рубля по отношению к доллару США является предпринимательским риском таких субъектов. При решении вопроса о распределении предпринимательского риска необходимо принимать во внимание возможности юридических лиц — коммерческих организаций как профессиональных участников гражданского оборота учесть не-

благоприятные последствия риска, которые по общему правилу должны признаваться равными. Кроме того, учету подлежат правовая природа договорных правоотношений, характер отношений, существовавших между сторонами до заключения договора, ставшего предметом спора, что также позволит установить возможность предвидимости изменения обстоятельств; срок действия договора, поскольку в случае заключения, например, долгосрочного договора аренды у сторон изначально была возможность предусмотреть механизм нивелирования негативных последствий, связанных с изменением обстоятельств при заключении договора, а также возможности контрагентов оценить вероятность достижения предполагаемого результата и последствия недостижения последнего.

Таким образом, сложился подход арбитражно-судебной практики, отрицающий за резким изменением валютного курса, являющегося результатом финансового кризиса, значение обстоятельства, позволяющего расторгнуть или изменить договор на основании ст. 451 ГК РФ, поскольку финансовый кризис является объективным обстоятельством, в условиях которого оказываются все хозяйствующие субъекты⁶, а установление ставки арендной платы в сумме, эквивалентной определенной сумме в иностранной валюте, означает установление механизма ее исчисления, имеющего целью устранение неблагоприятных последствий инфляции⁷.

При этом указанный подход нашел отражение и в судебных актах, принятых в 2016 г. в результате разре-

⁶ См. постановление Президиума ВАС РФ от 7 августа 2001 г. № 4876/01.

⁷ См. постановление ФАС Поволжского округа от 31 мая 2012 г. по делу № А55-16572/2011, определением ВАС РФ от 1 октября 2012 г. № ВАС-12489/12 в передаче дела в Президиум ВАС РФ для пересмотра дела в порядке надзора отказано.

шения споров о расторжении или об изменении договора в связи с экономическим кризисом последних двух лет; последствия изменения финансовой политики Банком России в 2014 г. также рассматриваются судебной практикой в контексте предпринимательского риска.

Так, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 28 августа 2015 г. № 13АП-15846/2015 по делу № А56-18242/2015 указал: «Изменения курсов валют и мировых цен на нефть обусловлены экономическим кризисом. В свою очередь, экономический кризис не может выступать в качестве изменения обстоятельств, понуждающих к изменению или расторжению договора. Обе стороны договорных отношений как субъекты предпринимательской деятельности несут риски, вытекающие из наступления финансового кризиса, изменения курсов валют, изменения цен на товар, а также иные риски, обусловленные изменением политической ситуации и экономических отношений». Данный судебный акт оставлен в силе постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 декабря 2015 г. № Ф07-2436/2015.

«Поскольку соотношение курсов валют определяется курсовой политикой государственных органов, которая проводится постоянно, стороны договора при той заботливости и осмотрительности, которые от них требуются как от участников гражданского оборота, субъектов предпринимательской деятельности, должны исходить из возможного изменения обстоятельств заключения договора. В связи с чем существенное изменение курса иностранной валюты по отношению к российской валюте и рыночных ставок арендной платы по объектам недвижимости не может быть принято в качестве оснований для расторжения договоров»⁸.

⁸ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21 января 2016 г. по делу № А41-71971/15.

В феврале 2016 г. Арбитражным судом г. Москвы было принято резонансное решение по делу № А40-83845/15-54-532 по вопросу внесения изменения в договор аренды нежилого помещения, содержащего валютную оговорку, обусловленное изменением курса российского рубля к доллару США, мотивированное судом целями соблюдения баланса имущественных интересов сторон.

28 сентября 2009 г. между ПАО «ВымпелКом» и ПАО «Тизприбор» был заключен Договор аренды нежилых помещений, содержащий валютную оговорку. ПАО «ВымпелКом» обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с иском к ПАО «Тизприбор» о внесении изменений в указанный Договор, мотивируя требования тем, что в 2014 г. Банк России отказался от регулирования курса рубля, что вместе с введением экономических санкций в отношении России привело к изменению экономической ситуации и росту курса доллара США по отношению к национальной валюте в 2,5 раза. В результате ставка по договору в рублевом эквиваленте стала отличаться от сумм, ранее уплачиваемых арендатором, что, по мнению истца, существенно нарушило баланс интересов сторон договора, которые не могли предвидеть изменение экономической ситуации на момент согласования условий договора аренды.

Решением суда первой инстанции исковые требования ПАО «ВымпелКом» в части внесения изменений были удовлетворены. Суд внес изменения в договор аренды, дополнив абзацем следующего содержания: «В случае, если на дату платежа курс рубля РФ к доллару США, установленный ЦБ РФ, составит менее 30 рублей за один доллар США, платеж должен производиться по курсу 30 рублей за один доллар США. Если курс рубля РФ к доллару США, установленный ЦБ РФ на дату платежа, составит более 42 рублей за один доллар США, платеж должен

производиться по курсу 42 рубля за доллар США».

Удовлетворяя исковые требования в соответствующей части, суд исходил из наличия правовых оснований для внесения изменений в договор аренды, сославшись на значительное превышение рыночной стоимости арендной платы, уплачиваемой за аренду аналогичных помещений, что свидетельствует о недобросовестном поведении стороны договора и может повлечь возникновение неосновательного обогащения, и посчитал, что установление минимального и максимального эквивалентов валюты приведет к соблюдению баланса имущественных интересов сторон договора, при этом в обоснование позиции суд первой инстанции сослался на п. 2 ст. 1, ст. 450 и п. 3 ст. 614 ГК РФ, исходя из того, что согласно подп. 2 п. 2 ст. 450 ГК РФ по требованию одной из сторон договор может быть изменен по решению суда, в частности, в случаях, определенных законом или договором, а возможность пересмотра размера арендной платы по соглашению арендатора и арендодателя предусмотрена п. 3 ст. 614 ГК РФ.

Между тем постановлением Деятого арбитражного апелляционного суда от 29 марта 2016 г. № 09АП-8243/2016-ГК указанное решение в части удовлетворения иска было отменено, в удовлетворении иска ПАО «ВымпелКом» о внесении изменений в Договор аренды отказано, поскольку, по мнению суда апелляционной инстанции, суд первой инстанции не учел, что в рассматриваемом Договоре содержится лишь положение о возможности изменения арендной платы по основаниям, предусмотренным Договором, и соглашению сторон, а не по требованию одного из контрагентов в судебном порядке. Арендодатель и арендатор не заключили соглашения о том, что не урегулированный во внесудебном порядке спор по вопросу об изменении цены Договора аренды подлежит передаче на рассмотрение суда, судебное внесе-

ние соответствующих изменений в Договор недопустимо и по правилам подп. 2 п. 2 ст. 450 ГК РФ.

Таким образом, указанный судебный акт позволяет сделать имеющий существенное значение для гражданского оборота вывод о том, что внесение судом изменений в условия договора аренды с валютной оговоркой, которым устанавливается минимальный и максимальный эквивалент валюты договора, является изменением договорных условий о размере арендной платы, что в отсутствие обоснования конкретных нарушений договора аренды и установления иных обстоятельств со ссылкой на нормы ГК РФ или иные федеральные законы, которые могли бы являться основанием для внесения изменения в договор непосредственно судом в соответствии со ст. 450 ГК РФ, влечет необоснованность вынесенного решения, в связи с чем и было отменено судом апелляционной инстанции.

Кроме того, при рассмотрении указанного спора возник вопрос о том, является ли отказ арендодателя от согласования нового размера арендной платы и внесения соответствующего изменения в договор злоупотреблением правом одной из сторон сделки. Исходя из содержания принципа свободы договора (ст. 421 ГК РФ), основания квалифицировать отказ стороны договора от внесения изменений в договор с валютной оговоркой в части предлагаемого другой стороной договора условия об установлении минимального или максимального эквивалента валюты, равно как и отказ от внесения в договор условия об уменьшении размера цены договора как злоупотребление правом отсутствуют. «Недостижение контрагентом взаимного согласия по расторжению договора не свидетельствует о злоупотреблении правом одной из сторон сделки»⁹.

⁹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 8 октября 2015 г. по делу № А41-37304/15.

Принципиальное значение для правоприменительной практики имеет также решение вопроса о том, насколько предпочтительнее для гражданского оборота внесение судом изменения в договор, а не его расторжение. Согласно п. 4 ст. 451 ГК РФ изменение договора в связи с существенным изменением обстоятельств допускается по решению суда в исключительных случаях, когда расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях. Поскольку целью изменения условий договора в силу ст. 451 ГК РФ является достижение удовлетворительных последствий для обеих сторон, изменение условий договора должно производиться при наличии одновременно всех условий, указанных в п. 2 ст. 451 ГК РФ.

В части реализации данного принципа подход арбитражно-судебной практики однозначен: даже при наличии существенно изменившихся обстоятельств изменение договора судебным решением по правилам ст. 451 ГК РФ допускается в исключительных случаях¹⁰, что в том числе обусловлено следующим: вынося решение об изменении условий договора, суд тем самым обязывает сторону исполнять договор, который она заведомо считает для себя неприемлемым¹¹. Само по себе включение в договор аренды условия, которым установлено, что арендная плата может быть изменена, не является принятием сторонами сделки на себя обязательств по заключению в будущем

соглашения об изменении договора в этой части¹².

Согласно п. 1 ст. 450¹ ГК РФ, введенной в действие Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ, предоставленное ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором право на односторонний отказ от договора (исполнения договора) (ст. 310 ГК РФ) может быть осуществлено уполномоченной стороной путем уведомления другой стороны об отказе от договора (исполнения договора). Договор прекращается с момента получения данного уведомления, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором.

Одностороннее изменение условий обязательства, связанного с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, или односторонний отказ от исполнения такого обязательства допускается в случаях, предусмотренных ГК РФ, другими законами, иными правовыми актами или договором (ст. 310 ГК РФ).

В настоящее время в правоприменительной практике увеличилось число рассматриваемых арбитражными судами дел, связанных со спорами об отказе одного из контрагентов от договора в случаях, предусмотренных договором, при рассмотрении которых суды вынуждены толковать условия договора в части установления оснований и порядка отказа от договора.

В соответствии со ст. 431 ГК РФ при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом, и только если указанные правила не позволяют определить содержа-

¹⁰ См. постановления ФАС Западно-Сибирского округа от 15 декабря 2011 г. по делу № А46-1885/2011, Третьего арбитражного апелляционного суда от 15 февраля 2011 г. по делу № А33-11969/2010.

¹¹ См.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М., 2011. С. 447.

¹² См. постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 15 декабря 2011 г. по делу № А46-1885/2011.

ние договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. Вместе с тем в указанные правила толкования условий договора ВАС РФ было внесено уточнение о том, что при разрешении споров, возникающих из договоров, в случае неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон толкование судом условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, которая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия, и пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, являющееся профессионалом в соответствующей сфере, требующей специальных познаний¹³.

Демонстрацией подхода суда к толкованию условий договора о возможности одностороннего отказа от исполнения последнего является определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 21 августа 2015 г. № 310-ЭС15-4004, оставившее без изменения судебные акты нижестоящих инстанций.

Из материалов дела следовало, что между банком и обществом заключен договор аренды нежилого помещения, а в п. 10.5 договора предусмотрено, что в случае досрочного расторжения договора по основаниям иным, чем указано в п. 10.2—10.3, стороны обязаны письменно предупредить другую сторону о предстоящем расторжении заблаговременно за один год до расторжения. Банк уведомил общество за один год о расторжении договора в связи с реформой своей филиальной сети, в результате которой была существенно уменьшена потребность в занимаемых помещениях.

Банк предъявил к обществу иск о расторжении договора аренды, и решением суда первой инстанции от 30 мая 2014 г. исковое требование

удовлетворено, поскольку, по мнению суда, условиями договора стороны предусмотрели возможность расторжения договора по заявлению как арендодателя, так и арендатора. Постановлением суда апелляционной инстанции, поддержанным судом кассационной инстанции, данное решение было отменено, в удовлетворении иска отказано, поскольку п. 10.5 договора не содержит конкретного перечня иных, не указанных в п. 10.2, 10.3 договора оснований для расторжения договора, в связи с чем сторонами не согласована возможность безосновательного досрочного расторжения договора аренды, заключенного на определенный срок, по инициативе арендатора.

Банк оспорил названные судебные акты в ВС РФ, указав на то, что, заключая договор, стороны согласовали содержание п. 10.5 договора, исходя при этом из возможности арендодателя или арендатора инициировать расторжение договора по любому основанию, не предусмотренному в договоре аренды, с заблаговременным письменным предупреждением о предстоящем расторжении за один год до расторжения.

Между тем ВС РФ указал: согласно абз. 2 подп. 4 ст. 620 ГК РФ договором аренды могут быть установлены и другие основания досрочного расторжения договора по требованию арендатора в соответствии с п. 2 ст. 450 ГК РФ, которые должны быть указаны в договоре. Суды апелляционной и кассационной инстанций, истолковав п. 10.5 договора с соблюдением положений ст. 431 ГК РФ, пришли к правильному выводу о том, что названный пункт договора не содержит самостоятельных оснований расторжения договора, а устанавливает лишь условия реализации иных оснований для расторжения договора.

Данный судебный акт имеет определяющее значение для правоприменительной практики в части решения вопроса о том, каким образом стороны должны формулировать в

¹³ См. п. 11 постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16.

тексте договора условие о возможности отказа от исполнения договора по любому основанию, не предусмотренному ГК РФ и другими федеральными законами.

В рассмотренном деле суду не потребовалось прибегать к выяснению действительной воли сторон, так как для уяснения условий договора оказалось достаточно буквального значения слов и выражений, содержащихся в договоре (ст. 431 ГК РФ), и поскольку стороны прямо не перечислили конкретные основания для отказа от договора, утрата интереса в продолжении договорных отношений, по мнению суда, не могла явиться основанием для расторжения договора по инициативе одного из контрагентов.

Вместе с тем принципы разумности действий участников гражданских правоотношений, осуществления гражданских прав своей волей и в своем интересе позволяют полагать, что стороны при заключении договора предполагали предоставить право расторгнуть договор по инициативе одного из контрагентов именно по любому другому основанию, прямо не указанному в договоре¹⁴.

Тем не менее названный судебный акт позволяет сделать следующий вывод: если стороны договора хотят предусмотреть в договоре возможность отказа от договора по иным основаниям, нежели предусмотренным в ГК РФ, других законах или иных правовых актах, такие основания должны быть прямо перечислены в тексте договора или в тексте

договора должна содержаться формулировка о возможности отказа от договора по любым иным основаниям, что подтверждается следующим судебным актом.

3 ноября 2015 г. определением № 305-ЭС15-6784 Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ отменила судебные акты нижестоящих инстанций и отказала истцу в удовлетворении требования о признании недействительным пункта договора аренды. Как следовало из материалов дела, между арендодателем и арендатором заключен договор аренды, п. 4.4 которого стороны установили обязанность арендатора внести арендодателю задаток в размере двухмесячной арендной ставки, при этом стороны указали, что данная сумма не является платежом за первые месяцы аренды, а удерживается арендодателем в качестве гарантии надлежащего выполнения обязательств арендатором по договору. По условиям названного пункта договора, если арендатор расторгает договор до истечения срока его действия по любой причине, за исключением п. 2.1.5, 6.4.1—6.4.3 договора, задаток удерживается арендодателем в полном объеме в качестве штрафа.

Полагая, что односторонний отказ от исполнения договора не может являться основанием для применения к арендатору меры ответственности в виде штрафа, общество обратилось в суд с требованием о признании недействительным п. 4.4 договора в части условия, предусматривающего право арендодателя удерживать задаток в качестве штрафа за досрочное расторжение договора.

Суды нижестоящих инстанций удовлетворили требование общества, признав оспариваемый пункт договора недействительным, а штраф за досрочное расторжение договора квалифицировав как неустойку. Суды установили, что в п. 6.4.4 договора предусмотрена возможность досрочного расторжения договора арендатором в односторон-

¹⁴ В этой связи показательными являются ст. 4.5 Принципов международных коммерческих договоров (Принципов УНИДРУА), согласно которой условия договора должны толковаться таким образом, чтобы всем им было придано значение, а не лишены силы какие-либо из них, а также ст. 5:106 Принципов европейского контрактного права: толкование, которое производится в отношении терминов законного или действующего контракта, имеет преимущество перед контрактом, не являющимся таковым.

нем порядке на согласованных сторонами условиях: не ранее чем через один год со дня вступления его в силу путем уведомления арендодателя за три месяца до предполагаемой даты расторжения договора. Поскольку досрочное расторжение договора в одностороннем порядке не является гражданско-правовым нарушением (ненадлежащим исполнением обязательств), а обусловлено реализацией арендатором права, предоставленного договором, суды признали установленный в договоре «механизм расторжения договора» противоречащим нормам гражданского законодательства.

Однако Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ, сославшись на ст. 421 ГК РФ, 310, 450¹, 329 ГК РФ, констатировала, что, поскольку положения ст. 619, 620 ГК РФ не содержат запрета на досрочное расторжение договора аренды по иным основаниям, не предусмотренным в данных правовых нормах, стороны при заключении договора вправе установить основания для досрочного расторжения договора и условия такого расторжения. Оспариваемым пунктом договора предусмотрена возможность расторжения договора до истечения срока его действия в одностороннем порядке по любым другим основаниям, кроме прямо указанных в договоре, однако условием такого расторжения является для арендатора удержание арендодателем задатка, для арендодателя — уплата задатка в двойном размере. То есть сторонами определен порядок расторжения договора, которым предусмотрено особое условие для досрочного немотивированного расторжения договора в одностороннем порядке, что не противоречит положениям ст. 329, 421 ГК РФ.

Таким образом, в договоре не были перечислены конкретные основания для досрочного расторжения договора по иным причинам, кроме прямо указанных в договоре, однако содержалась формулировка «по

любым другим основаниям», которой оказалось достаточно для суда, чтобы считать, что стороны договора предусмотрели случаи одностороннего отказа от договора, помимо указанных в ГК РФ, других законах, правовых актах или договоре.

Данный судебный акт поднимает еще одну проблему, имеющую в настоящее время определяющее значение для решения вопроса о том, каким образом будет складываться правоприменительная практика в части реализации одним из контрагентов права отказаться от исполнения договора, заключенного между субъектами предпринимательской деятельности: вопрос платы за односторонний отказ.

Согласно п. 3 ст. 310 ГК РФ предусмотренное ГК РФ, другим законом, иным правовым актом или договором право на односторонний отказ от исполнения обязательства, связанного с осуществлением его сторонами предпринимательской деятельности, или на одностороннее изменение условий такого обязательства может быть обусловлено по соглашению сторон необходимостью выплаты определенной денежной суммы другой стороне обязательства.

Следует констатировать, что назрела необходимость кардинального изменения подхода судебной практики в части признания суммы за отказ от исполнения договора независимо от того, как она поименована в договоре, в качестве компенсации за отказ от договора. До введения в действие п. 3 ст. 310 ГК РФ существовала практика, когда сторона, желающая прекратить договорные отношения с контрагентом в отсутствие достаточных оснований, прибегала к различным способам «рассставания» с контрагентом, в том числе заявляя иск о признании договора недействительным или незаключенным, что как не соответствовало принципу добросовестности осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей, так и подрывало стабильность гражданского

оборота. Вместе с тем нет сомнений в том, что в предпринимательских отношениях у контрагентов должна быть возможность немотивированного «выхода» из договорных отношений при условии гарантирования прав контрагента.

Арбитражно-судебной практикой должен быть выработан подход к решению вопроса о том, можно ли в договоре предусмотреть условие о выплате компенсации при отказе контрагента от договора, обусловленном нарушением обязательств контрагентом последнего, в том числе когда такой контрагент вообще не приступил к исполнению своих обязательств по договору, а размер компенсации по условиям договора тем не менее поставлен в зависимость от общей стоимости товаров, работ, услуг. С одной стороны, ст. 310 ГК РФ в соответствующей части не содержит условий, ограничивающих право на установление в договоре условия о выплате компенсации, и стороны договора, руководствуясь принципом свободы договора, вправе согласовать в договоре условие о плате за односторонний отказ от договора, обусловленный в том числе нарушением договорного обязательства контрагентом. С другой стороны, возникает вопрос: будет ли выплата компенсации контрагенту при отказе от договора, обусловленном нарушением обязательств таким контрагентом, соответствовать принципам добросовестности, разумности и справедливости, и не ограничивает ли подобное условие договора право кредитора на односторонний отказ от договора в связи с нарушением договора контрагентом последнего?

Показательным в связи с этим является постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 сентября 2015 г. по делу № А56-81284/2014. Истец обратился в Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области с иском к контрагенту о взыскании задолженности по договору и процентов

за пользование чужими денежными средствами.

Решением Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 25 февраля 2015 г., оставленным без изменения постановлением Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 мая 2015 г., исковые требования удовлетворены в полном объеме. Согласно п. 6.5 договора в случае досрочного прекращения действия договора по инициативе заказчика последний оплачивает исполнителю 100 тыс. долл. США по курсу Центрального банка России, в отношении указанной суммы стороны подписывают акт оказанных услуг. Уведомлением, полученным исполнителем 8 августа 2014 г., заказчик ввиду невыполнения графика продаж исполнителем (приложение к договору) отказался от договора с 31 августа 2014 г. со ссылкой на п. 1 ст. 782 ГК РФ. Должник обратился с иском о взыскании с кредитора на основании п. 6.5 договора 100 тыс. долл. США с начислением на эту сумму процентов за пользование чужими денежными средствами по курсу ЦБ РФ, который и был удовлетворен судом с учетом того, что в п. 1 ст. 782 ГК РФ не содержится явно выраженного запрета и отсутствуют критерии императивности, предусмотренные в п. 3 постановления Пленума ВАС РФ № 16 «О свободе договора и его пределах», стороны договора могут своим соглашением установить размер уплачиваемой исполнителю компенсации при условии отказа заказчика от договора.

Таким образом, в указанном деле плата за односторонний отказ от договора была взыскана с ответчика в полном объеме, несмотря на то что отказ последнего был обусловлен ненадлежащим исполнением обязательств по договору истцом (исполнителем).

Между тем существует и практика признания условия о плате за досрочное расторжение договора в одностороннем порядке в случае, ес-

ли контрагент фактически не исполнил обязательства по договору, в качестве санкции, ограничивающей право на расторжение договора. Так, ВС РФ в определении от 12 марта 2015 г. № 305-ЭС15-253 указал, что установление в п. 8.3 договора условия о безусловной оплате заказчиком компенсации за одностороннее расторжение договора по инициативе последнего вне зависимости от фактически понесенных исполнителем расходов и достигнутых результатов фактически представляет собой санкцию за отказ от услуг исполнителя, что ограничивает право заказчика на расторжение договора возмездного оказания услуг.

В постановлении от 7 ноября 2014 г. № Ф05-12287/14 Арбитражный суд Московского округа указал, что диспозитивность нормы ст. 782 ГК РФ ограничена целями защиты особо значимых охраняемых законом интересов, в данном случае — права стороны в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора, которое не может быть ограничено условиями договора. С учетом изложенного при рассмотрении дела суды пришли к правомерному выводу о том, что условие о безусловной выплате компенсации в доле от предельно возможного размера вознаграждения безотносительно фактически оказанных услуг и достигнутых результатов представляет собой санкцию, ограничивающую право заказчика на расторжение договора возмездного оказания услуг, что не соответствует положениям ст. 330, 782 ГК РФ, а также правовой позиции ВАС РФ, изложенной в постановлении Президиума от 7 сентября 2010 г. № 2715/10.

Сказанное актуализирует необходимость унификации подходов к квалификации определенной условиями договора денежной суммы за досрочное расторжение договора в качестве предусмотренной в п. 3 ст. 310 ГК РФ платы в связи с односторонним отказом от исполнения обязательств независимо от того,

как указанная сумма поименована в договоре. Вместе с тем с целью избежания необходимости выяснения судом действительной воли сторон при установлении в договоре подобного условия требуется такая формулировка последнего, которая позволит суду в целях уяснения содержания соответствующего условия ограничиться установлением буквального значения слов и выражений в договоре.

При этом необходимо учитывать, что согласно ст. 71 АПК РФ арбитражный суд оценивает доказательство по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств, а постановлением Пленума ВАС РФ № 16 «О свободе договора и его пределах» суду при толковании условий договора, по сути, предоставлены не ограниченные положениями ст. 431 ГК РФ возможности для толкования условий договора, в том числе при рассмотрении споров о защите от несправедливых договорных условий, которые применимы и к субъектам предпринимательской деятельности (п. 9 постановления). Так, суд при рассмотрении споров о защите от несправедливых договорных условий должен оценивать спорные условия в совокупности со всеми условиями договора и с учетом всех обстоятельств дела, в том числе учитывая уровень профессионализма сторон в соответствующей сфере, наличие у присоединившейся стороны реальной возможности вести переговоры или заключить аналогичный договор с третьими лицами на иных условиях и т. д.

Между тем возникают вопросы, насколько судьи готовы к подобному уровню толкования как норм закона, так и условий договора, где предел судейского усмотрения, насколько для сторон договора и потенциальных участников судебного спора предсказуем подход суда к толкованию условий договора, ведь как ска-

зал А. Ф. Кони: «Как бы хороши ни были правила деятельности, они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках»¹⁵.

Следует также учитывать, что подходы, сформулированные в названном постановлении Пленума ВАС РФ, адресованы не только суду, но и тем, кто непосредственно осуществляет юридическое обеспечение деятельности субъектов гражданского оборота, т. е. юристам, что, в свою очередь, обуславливает повышенные требования к разработке ими договоров, оценке рисков и правовых последствий формулирования условий договора; способности юристов рассматривать условия договора с точки зрения судебной перспективы, толковать условия, исходя из основных начал гражданского законодательства, не только буквы, но и духа закона.

Так, распространение и на субъектов предпринимательской деятельности возможности признания договорных условий «несправедливыми», оправданное целями соблюдения баланса интереса сторон, чревато нарушением принципа эквивалентности гражданских правоотношений, которая далеко не всегда измеряется равными возмездными встречными предоставлениями, поскольку обязательное арифметическое равенство встречных предоставлений не требуется, так как именно оценка субъектами равно-

ценности встречного предоставления, удовлетворенность последним являются мерилем для признания отношений эквивалентными. Кроме того, предпринимательская деятельность предполагает такое ведение бизнеса, которое предусматривает обеспечение деятельности грамотной юридической поддержкой независимо от того, в какой конкретно сфере деятельности субъект гражданского оборота осуществляет свою профессиональную деятельность.

Таким образом, в настоящее время остро встала проблема обеспечения бизнеса высокопрофессиональными юристами, степень подготовленности которых позволит им разрабатывать условия договора не только в соответствии с требованиями законодательства и судебной практики, но и с пониманием целей законодательного регулирования конкретного вида договорных отношений, умением определять судебные перспективы рассмотрения споров, вытекающих из условий договора, формулировать условия договора таким образом, который бы исключил необходимость иного, нежели буквального толкования судом таких условий. В связи с этим нельзя не согласиться с О. Н. Садиковым, что «...многие наши беды идут не от законодательства и не от его недостатка — всегда есть общие нормы, а от того, что мы применяем нормы недостаточно разумно»¹⁶.

¹⁵ Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула, 2000. С. 79.

¹⁶ «Наши беды не от законодательства и не от его недостатка, а от того, что мы применяем нормы недостаточно разумно» // Закон. 2015. № 11.

Библиографический список

«Наши беды не от законодательства и не от его недостатка, а от того, что мы применяем нормы недостаточно разумно» // Закон. 2015. № 11.

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М., 2011.

Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Избранные труды и речи / сост. И. В. Потапчук. Тула, 2000.